

УДК 811.111'42

DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.1\(42\).168858](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.1(42).168858)

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СУМАСШЕДШЕГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Поздняков Д.А.

кандидат филологических наук, доцент
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
ORCID ID: 0000-0002-3659-7246

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей вербализации концепта INSANITY в художественном тексте на материале современных романов американских и британских писателей. Целью исследования является анализ и классификация лексических средств, формирующих образ сумасшедшего в исследуемых произведениях. Объектом анализа являются лексемы-вербализаторы концепта INSANITY, а предметом – языковые средства формирования образа сумасшедшего в художественных текстах. Концепт в данном исследовании понимается нами как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей ментального кода человека, и обладающее упорядоченной структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества, и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении. Методом сплошной выборки мы выделили текстовые фрагменты, содержащие портретные описания персонажей, страдающих психическими расстройствами. Выдвинута гипотеза о том, что концептуальные признаки РАЗРУШЕНИЕ, ДЕФОРМАЦИЯ, АФФЕКТИВНОСТЬ, являющиеся ядерными признаками концепта INSANITY, вербализуются в исследуемых текстах при создании внешнего образа персонажа. Также было установлено, что оппозиция СВОЙ-ЧУЖОЙ является одним из самых важных механизмов, участвующих в концептуализации феномена безумия, на что указывает частотная вербализация признака ЧУЖОЙ концепта INSANITY в художественных текстах. Изучив совокупность лексических средств, участвующих в создании портрета литературного персонажа с психическими отклонениями, мы выделили набор прототипических характеристик внешности безумца. На материале произведений была исследована такая разновидность композиционно-речевой формы “описание”, как портрет персонажа-безумца. Полученные характеристики были сгруппированы в следующие тематические группы: текстовые фрагменты, описывающие голос/речь, тело, глаза, лицо, внешний вид в целом, пластику тела, позы, запах. Все подобные контексты предлагают читателю кванты информации, функционирующие как маркеры психического нездоровья персонажа.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, концептуализация, вербализация концепта, текстовый концепт, портрет.

СТВОРЕННЯ ОБРАЗУ БОЖЕВІЛЬНОГО У ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Поздняков Д.О.

кандидат філологічних наук, доцент
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Дана стаття присвячена розгляду особливостей вербалізації концепту INSANITY в художньому тексті на матеріалі сучасних романів американських і британських письменників. Метою дослідження є аналіз і класифікація лексичних засобів, які формують образ божевільного в досліджуваних творах. Об'єктом аналізу є лексеми-вербалізатори концепту INSANITY, а предметом - мовні засоби формування образу божевільного в художніх текстах. Концепт у даному дослідженні розуміється нами як дискретне ментальне утворення, що є базовою одиницею ментального коду людини, і що володіє упорядкованою структурою, що представляє собою результат когнітивної діяльності особистості і суспільства, і несе

комплексну інформацію про предмет або явище, що відображується. Методом суцільної вибірки ми виділили текстові фрагменти, що містять портретні описи персонажів, які страждають психічними розладами. Висунуто гіпотезу про те, що концептуальні ознаки РУЙНУВАННЯ, ДЕФОРМАЦІЯ, АФЕКТИВНІСТЬ, що є ядерними ознаками концепту INSANITY, вербалізуються в досліджуваних текстах при створенні зовнішнього образу персонажу. Також було встановлено, що опозиція СВІЙ-ЧУЖИЙ є одним з найважливіших механізмів, який бере участь в концептуалізації феномена божевілля, на що вказує частотна вербалізація ознаки ЧУЖИЙ концепту INSANITY в художніх текстах. Вивчивши сукупність лексичних засобів, що беруть участь у створенні портрета літературного персонажа з психічними відхиленнями, ми виділили набір прототипічних характеристик зовнішності божевільного. На матеріалі творів було досліджено такий різновид композиційно-мовленнєвої форми «опис», як портрет персонажа-безумця. Отримані характеристики було згруповано в наступні тематичні групи: текстові фрагменти, що описують голос / мовлення, тіло, очі, обличчя, зовнішній вигляд в цілому, пластику тіла, пози, запах. Всі подібні контексти пропонують читачеві кванти інформації, що функціонують як маркери психічного нездоров'я персонажа.

Ключові слова: концепт, концептуальна ознака, концептуалізація, вербалізація концепту, текстовий концепт, портрет.

THE CREATION OF THE IMAGE OF INSANE CHARACTER IN LITERARY TEXTS

Pozdniakov D.

candidate of philological sciences, associate professor
Odesa I.I. Mechnikov National University

This article is devoted to the peculiarities of the lexicalisation of concept INSANITY in literary texts based on the material of contemporary novels by American and British writers. The purpose of the study is the analysis and classification of lexical means that form the portrait of a mentally ill person in the studied works. The object of the analysis is the lexemes-verbalisers of the concept INSANITY, the language means of creating a mentally ill character in literary texts form the subject of our work. The concept in this study is understood as a discrete mental entity, a basic unit of a person's mental code. It has an ordered structure, which is the result of cognitive activity of the individual and society, and which carries complex information about the reflected subject or phenomenon. Using the continuous sampling method, we selected text fragments containing portrait descriptions of characters suffering from mental disorders. It has been hypothesised that conceptual features DESTRUCTION, DEFORMATION, AFFECTIVENESS, which are nuclear features of concept INSANITY, are lexicalised in the texts under study when the authors create the portrait of the mentally ill character. Our research also found that the opposition of FRIEND-FOE is one of the most important mechanisms involved in the conceptualisation of the phenomenon of insanity, which is indicated by the frequent lexicalisation of conceptual feature FOE in literary texts. After analysing the lexical means involved in creating the portrait of the literary character with mental disabilities, we identified a set of prototypical characteristics of the appearance of a mentally ill person. Based on the material of the works, we studied narrative compositional form "description" pertaining to the portrait of the mentally ill character. The characteristics obtained were grouped into the following thematic groups: text fragments describing voice / speech, body, eyes, face, overall appearance, body plastics, poses, and smell. All such contexts offer the reader quanta of information, functioning as markers of a person's mental illness.

Key words: concept, conceptual feature, conceptualization, concept lexicalisation, text concept, portrait.

Введение

Данное исследование посвящено анализу и классификации лексических средств, формирующих внешний образ персонажа-безумца в художественных произведениях современных британских и американских писателей. Анализ лексем-вербализаторов концепта INSANITY, создающих обра-

зы персонажей-безумцев, позволяют выделить целый ряд концептуальных признаков. Концепт в данном исследовании понимается, как “дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей ментального кода человека, и обладающее упорядоченной структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества, и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении” (Попова, Стернин 2007: 34). Е.С. Кубрякова указывает на такие важные характеристики концепта как членимость и особую организацию. “Концепты представляют кванты структурированного знания, из которого можно извлечь разные признаки, выделить разные его слои и описать как структуру” (Кубрякова 2004: 317).

Целью исследования является анализ и классификация лексических средств, формирующих образ сумасшедшего в исследуемых произведениях. **Объектом** анализа являются лексемы-вербализаторы концепта INSANITY, а **предметом** – языковые средства формирования образа сумасшедшего в художественных текстах. **Актуальность** исследования обусловлена интересом современной когнитивной лингвистики к описанию и моделированию ментальных структур, что позволяет понять и изучить специфику национальной (англоязычной) картины мира. “Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. на культуру” (Карасик 2002: 41). Будучи сформированными индивидуумом на основании полученных знаний, концепт является “макромоделью культуры, он порождает культуру и порождается ею” (Зусман 2001: 97).

Методы исследования

Для достижения цели исследования, а также принимая во внимание особенности объекта исследования нами были использованы следующие методы:

- общенаучные методы анализа, логической дедукции, синтеза и обобщения;
- метод сплошной выборки, с помощью которой был отобран материал исследования;
- метод дефиниционного, контекстуального, концептуального анализа, а также интерпретативный метод позволил сделать выводы о механизмах концептуализации феномена безумия.

Результаты и обсуждение

Изучив совокупность лексических средств, участвующих в создании портрета литературного персонажа с психическими отклонениями, выделяем набор прототипических характеристик внешности безумца. На материале произведений была исследована такая разновидность композиционно-речевой формы “описание”, как портрет персонажа-безумца. Полученные характеристики были сгруппированы в следующие тематические группы (в порядке убывания частотности): текстовые фрагменты, описывающие голос/речь (43 единицы), тело (30), глаза (27), лицо (25), внешний вид в целом (21), пластику тела (14), позы (6), запах (5). Все подобные контексты предлагают читателю кванты информации, функционирующие как маркеры психического нездоровья персонажа.

Создавая образ психически больного человека, авторы упоминают и о **физических изъянах его тела**, характеризуя его как гротескное *grotesque* и отклоняющееся от нормы. Судя по словарной дефиниции, лексема *grotesque* имеет ярко выраженную негативно оценочную коннотацию: *grotesque – repulsively ugly, distorted*. Отклонение от нормы в телесном строении служит сигналом читателю не само по себе, но в комплексе с другими характеристиками. Так, узнав детали зверских и садистских убийств, совершенных Ганнибалом Лектером, читатель воспринимает такую деталь, как шестипалость этого человека как зловещий знак:

“He held the loose pages in his right hand and put them beside him with his left. Dr.Lecter had six fingers on his left hand”(Т.Н., p.23).

Врожденная анатомическая аномалия намекает на возможную связь с аномалией психической. В портретном описании другого персонажа этого же произведения, серийного убийцы Баффало Билла также прослеживается связь между безумием и отталкивающей внешностью, искажением стандартных, нормальных черт. Отклонение от нормы во внешности маньяка, взрослого мужчины, акцентируется с помощью изобразительной детали: его кожа гладкая, как у женщины (без какой-либо растительности).

His chin and cheeks were hairless, as smooth as a woman’s, and his eyes only pinpoint gleams above his cheekbones in the shadows of the lamp(Т.Н., p.130).

Обращаем внимание на окказиональную трансформацию оценочной коннотации прилагательного *smooth*. В сочетании с существительным *skin* и в соответствующем контексте (описание лица взрослого мужчины) узальная *положительная* коннотация превращается контекстуально обусловленную *негативную*.

В описании тела психически нездорового персонажа нередко характеристики **неадекватного физиологического проявления эмоций**. К примеру, психическая болезнь маркируется аномальным ритмом сердцебиения – слишком быстрым, или, напротив, неестественно нормальным, вопреки ужасающей ситуации. При описании эмоционального всплеска у персонажа с психическим отклонением эксплицируется учащение его сердцебиения с помощью глаголов *to beat* (стучать) и *to hammer* (колотиться). И наоборот, отталкивающий образ хладнокровного каннибала создается с помощью детали, характеризующей ровный, нормальный пульс во время совершения зверского поступка:

His pulse never got over eighty-five when he swallowed it [her tongue] (Т.Н., p.20).

В описании **пластики тела** психически больного авторы акцентируют внимание читателя на хаотичных, резких, неконтролируемых движениях персонажа: глаголы *twitch, flinch, jerk, snap, flash* объединены семантемой “резкое движение”.

Чрезмерное эмоциональное переживание персонажей передается с помощью лексем, обозначающих дрожь во всем теле *tremble, he was shaking, arms and legs are all ashake*, подергивание тела и лица, вызванное психическими расстройствами: *to twitch, to flinch, face twitching, to jerk, head turns*

with a jerk, to fidget, reflexive tightening of his arms.

Подобным образом используются глаголы *to wag (to move or to cause to move rapidly to and fro)* и *to wigwag (to move to and fro)* для обозначения повторяющегося энергичного помахивания головой, что сигнализирует о нервном расстройстве.

Портрет персонажей, испытывающих состояние аффекта, создается благодаря описанию резких, ускоренных движений головы и рук: *head snaps up* (резко поднялась голова), *hands flip loosely before him* (он свободно размахивал руками), *hands flash in the air* (руки мелькали в воздухе), *hands are moving faster than ever* (он жестикулировал быстрее, чем когда-либо). В данном случае психическое расстройство проявляется в неспособности человека контролировать свое тело.

Так, например, возбужденное состояние пациента психиатрической лечебницы метафорически описывается как ускоренная съемка мелькающих гримас, жестов, улыбок, оскалов. Чем больше больной старается себя сдерживать, тем **“быстрее** прокручивается пленка”:

Harding’s face and hands are moving faster than ever now, a speeded film of gestures, grins, grimaces, sneers. The more he tries to stop it the faster it goes...Everything is moving faster and faster, and his voice is speeding up to match (К.К., p.79).

И наоборот, состояние аффекта может проявляться неподвижностью, вызванной изнеможением, страхом, либо осторожностью, которая в текстах маркируется отрицательными формами глагола *to move (don’t move, wasn’t moving, not moving, wasn’t making a move)*, а также комбинацией прилагательного *still* (неподвижный) с глаголами (напр. *to lie still, to sit still, to keep still*). В некоторых случаях неподвижность персонажа вербализуется с помощью медицинских терминов *in a trance* (в трансе) *to freeze* (оцепенеть), *stuporous* (в состоянии ступора).

Так, в разговоре со следователем описывает состояния ступора психически больного другой персонаж, сам являющийся профессиональным психиатром:

“And do you believe he’s treatable?”

*“Particularly now, when he’s coming out of a **stuporous phase.**” (Т.Н., p.174).*

Аффективное состояние психически больного пациента проявляется в неспособности к самостоятельному передвижению. Во время экскурсии на катере, которую организовали как терапевтическое мероприятие для пациентов психиатрической лечебницы, группа затевает рыбалку. Поймав на удочку слишком крупную рыбу, они просят о помощи у самого сильного из пациентов – МакМэрфи, так как сами не могут вытянуть рыбу из воды. Однако, МакМэрфи испытывает помешательство, вызванное ощущением свободы, он хохочет и не может сдвинуться с места.

“Up! Up! Keep the tip up!” George was yelling.

“McMurphy! Get out here and look at this.”

“McMurphy, we need some help!”

I heard McMurphy laughing and saw him out of the corner of my eye, just

*standing at the cabin door, **not even making a move** to do anything, and I was too busy cranking at my fish to ask him for help. Everyone was shouting at him to do something, but **he wasn't moving**. Even the doctor, who had the deep pole, was asking McMurphy for assistance. And McMurphy **was just laughing*** (К.К., р. 312).

О физическом изнеможении персонажа, вызванном безумием, читатель узнает благодаря описанию шатающейся, неустойчивой походки персонажа. Здесь используются слова соответствующей семантики: *to sway* – пошатываться (*move or cause to move slowly or rhythmically backwards and forwards or from side to side*) и *wobbly* – шатающийся из-за слабости, вызванной болезнью, усталостью либо тревогой (*weak and unsteady from illness, tiredness, or anxiety*), *hands dangling* (руки безжизненно болтаются).

*“Soon as she’s sat down, Old Pete Bancini **sways to his feet** and starts in **wagging his head** and **whizzing**. “I’m tired. Whew. O Lord. Oh, I’m awful tired...” the way he always does whenever there’s a new man on the ward who might listen to him* (К.К., р. 55).

Данная тематическая группа портретных описаний психически больного человека высвечивает связь между безумием персонажа и его телесной ущербностью: изъясными, его неспособностью контролировать свое тело и болезненной слабостью.

Концептуальный признак УМСТВЕННАЯ УЩЕРБНОСТЬ объективируется в изучаемых произведениях с помощью прилагательных **puzzled** (сбитый с толку), **confused** (озадаченный), **blank** и **vacant** (с отсутствующим выражением), описывающих **выражение лица персонажей**. Данная портретная характеристика встречается в виде атрибутива к опорному слову **face, look, frown, expression**: *puzzled faces, puzzled look on his face, puzzled expression coming over his face, confused face, vacant face, vacant-faced; to look puzzled, a puzzled look, to look confused, a blank look, to look blank, a puzzled frown*.

Дефиниционный анализ четырех прилагательных выявляет семы, указывающие на неспособность индивида к пониманию чего-либо и отсутствие интеллекта, т.е. на умственную ущербность персонажей: **puzzled** – **unable to understand**; **confused** – **unable to think clearly**; **vacant** – **having or showing no intelligence or interest**; **blank** – **showing lack of comprehension or reaction**

У персонажа по имени Сэмми диагностирована неизлечимая психическая болезнь, которая сопровождается разрушением личности *personality disintegration* и окончательным отчуждением *terminal withdrawal*. Его поведение соответствует диагнозу: он совершенно отчужден от действительности, лицо ничего не выражает, он не слышит того, что происходит вокруг:

*Starling looked back over her right shoulder. Sammie **sat vacant-faced** against the wall of his cell, his head leaning against the bars.*

*“Would you read it aloud? He **won't hear you**”* (Т.Н., р.171-172).

Такая характеристика наиболее типична при создании портрета персонажей, потерявших связь с реальностью, не реагирующих на внешние раздражители. В таких случаях описание бессмысленной мимической маски

персонажей становится “зеркалом” их “бессмысленного” духовного мира и имплицитно умышленно ущемляет.

*His face is tilted **oddly, edged, jagged, purple and gray, a busted wine bottle** (К.К., р.83).*

В этом случае гротескность внешности нагнетается за счет аккумуляции соответствующих характеристик лица персонажа: странный наклон (*tilted oddly*), угловатость, неровность (*edged, jagged*), неестественный цвет (серо-фиолетовый). Кульминацией этого перечислительного ряда становится метафорическое обозначение лица как разбитой винной бутылки. Причем причастие II от глагола *to bust* содержит сему агрессивности *to bust = to smash, esp. forcefully*, а второй компонент метафоры “разбитая винная бутылка = лицо безумца” подчеркивает аномальность внешности персонажа, поскольку визуальные образы бутылки и человеческого лица довольно далеки друг от друга. Данная имплицитная деталь отождествляет физическое разрушение с умышленной ущемленностью и общественной несостоятельностью.

Подобное создание гротескного портрета наблюдается при описании внешности серийного маньяка, где гротеск достигается благодаря контрастной цветовой гамме: *red mouth, red lips, red tongue* (красный рот, губы, язык) на фоне лица бледного, как маска (*face pale as a mask*).

Семь номинаций имплицитно обозначают болезненность и безысходность: *drawn face* (усталое лицо), *burned-out face* (изнеможенное лицо), *dead-end look* (выражение безысходности), *to look off-colour* (выглядеть нездоровым). Описание бледности лица также создает образ физического мучения у персонажей с психическими отклонениями: *pale face, colourless face, face frosted white*.

*They roll him out on a Gurney, still jerking, **face frosted white** (К.К., р.356).*

Вышеприведенные контексты ярко иллюстрируют связь между психическим расстройством и физической ущемленностью, проявляющейся, в данном случае, на лице человека.

Отдельного внимания заслуживает тематическая группа деталей внешности, описывающих **глазную мимику** безумца, так как соответствующие номинации численно превышают все случаи номинации лица в целом.

Стереотипным образом безумного выражения лица является пристальный взгляд с широко раскрытыми глазами. При создании подобной детали портрета используются такие лексемы как

to stare – *look fixedly or vacantly at someone or something with one’s eyes wide open*;

to gaze – *to look long and fixedly, especially in wonder or admiration*;

to glare – *to stare in an angry or fierce way*;

to eye – *to fix the eye upon*;

а также их дериваты ***a stare, a glare, a gaze***.

Дефиниционный анализ данных лексем позволяет выделить такие признаки, как “направленный в одну точку” (***fixed***), “с широко раскрытыми глазами” (***eyes wide open***) “неподвижный” (***long***), “отсутствующий” (***vacant***), “злой, свирепый” (***angry, fierce***). Помимо указанных атрибутивов, также

используются: **pop-eyed** (с вытаращенными глазами), **wide eyes** (*широко раскрытые глаза*), **fixed eyes** (пристальный взгляд), **distracted eyes** (отсутствующий взгляд).

Еще одной характерной особенностью взгляда такого персонажа является его направленность вдаль напр. *stare ahead, stared ahead past McMurphys shoulder, stare into the air intently, stare unseeing, gaze out into the darkness*. Несмотря на пристальность и неподвижность взгляда, безумец не получает зрительную информацию из окружающего мира.

He stared across the hall, unseeing (S.F., p.427).

Путаница мыслей, приводящая к неспособности адекватно реагировать на стимулы, идущие извне, передается в виде описания затуманенности взгляда: **murky/murked up** – *dark and gloomy, especially due to thick mist*.

Usually Pete's eyes are half shut and all murked up, like there is milk in them (K.K., p.68).

Безумное выражение глаз персонажа метафорически переосмысливается как тьма: **black sockets** (лишенные человеческих характеристик черные щели), **dark, darkness** (тьма в глазах), **endless night** (вечная ночь). Именно таким образом, к примеру, создается портрет серийного маньяка.

Такие резкие перепады душевного состояния и эмоциональная нестабильность персонажа влияют и на **пластику его движений**. Среди номинаций движения прослеживается характерная особенность поведения безумца: резкие колебания от состояния апатии до буйного, неконтролируемого поведения.

Описания плавных, тихих движений безумца объясняют читателю мотивы такого поведения: человек ведет себя осторожно, боясь быть замеченным. Автор прибегает к помощи глаголов **to creep** (*красться*) – *to move slowly and carefully in order to avoid being heard or noticed* и **to slide** (*красться*) – *to move smoothly, quickly*.

Most days I'm the first one to see the Admission, watch him creep in the door and slide along the wall and stand scared... (K.K., p.15).

В свою очередь в состоянии аффекта движения характеризуются энергичностью (*bounced to his feet, heavy step, burst into*), нарушением прямого курса (*a zigzag path, to walk aimlessly*), и неустойчивостью, которая сигнализирует о болезненной неспособности удерживаться на ногах:

to stagger (*шататься*) – *to walk or move unsteadily as if about to fall*,
to stumble (*спотыкаться*) – *to trip or momentarily lose one's balance; almost fall*.

No longer caring what the other members of the audience thought of him, he stood up and steering a zigzag path back up the sloping aisle to the doorway, burst into the shockingly bright and empty foyer, staggered through the big swinging doors... (M.H., p.165).

Описание положения тела, позы персонажей, имеющих психические отклонения, в шести случаях представляет тело, осанку стремящиеся вниз: расположение тела на полу (*lying on the floor, sitting on the floor*), опускание на пол (*subside to the floor*), ползание по полу на четвереньках (*on all fours, crawling*), и, в менее выраженной форме, – сутулость (*to stoop*). Так, герой

подросток по имени Финн в приступе безумия пытается спрятаться, убежать из комнаты, где его обижают. Он совершает свой побег на четвереньках, оставаясь глухим к тому, что говорят вокруг:

Finn was on all fours, crawling to the door. The room was full of people, full of voices. He couldn't see the people (S.F. p.391).

Такая портретная характеристика персонажей с психическими отклонениями основана на образной схеме ВЕРХ-НИЗ, имеющей аксиологическую полярность: ВЕРХ – ЭТО ХОРОШО, НИЗ – ЭТО ПЛОХО. Предмет, либо тело, находящееся внизу, нефункционально, уязвимо, и имеет отрицательные характеристики. В данном случае высвечиваются такие признаки безумца, как слабость, болезненность, отсутствие жизнеспособности.

Специфической деталью, создающей образ персонажа-безумца, выступает его **ольфакторная характеристика**. Описывая персонажей-безумцев, авторы прибегают к такой сенсуалистической детали, как описание запаха. При этом нередко отмечается неприятный запах, возникающий у таких людей в результате несоблюдения гигиены и неаккуратности, что вербализуется лексемами *smell* (запах) и *odor* (неприятный запах) с дальнейшей спецификацией характера данного запаха: *to smell worse than a dirty diaper* (пахнуть хуже грязного подгузника), *smell of urine and cabbage* (запах мочи и капусты).

Пациенты с острой формой психических отклонений (*the Acutes*) объясняют свое нежелание общаться с пациентами-хрониками (*the Chronics*) тем, что от них неприятно пахнет (*smells worse than a dirty diaper*).

...the Chronics don't move around much, and the Acutes say they'd just as leave stay over on their own side, give reasons like the Chronic side smells worse than a dirty diaper (K.K., p.24).

Больничная палата разделена на две половины. В одной располагаются «хроники», в другой – «острые». Вторые брезгуют первыми и не хотят даже заходить на половину «хроников».

В отдельной палате находятся «буйные». Говоря о ней, автор также акцентирует неприятный запах. Отрицательная эмоциональность описания этого места усиливается упоминанием слабой освещенности. Одна сенсуалистическая характеристика усиливается другой: полутьма делает вонь еще сильнее:

The odors of the violent ward seemed more intense in the semidarkness (K.K., p. 70).

Любопытную деталь фиксируем в романе Т. Харриса «Молчание ягнят». Психиатр, беседуя с агентом ФБР, Клариссой Старлинг, объясняет, что запах козла (*goatish odor*) является запахом шизофрении и вызван присутствием в поте шизофреника вещества, вырабатываемого вследствие неправильного функционирования мозга:

"Can you smell his sweat? That particular goatish odor is trans-3-methyl-2 hexenoic acid. Remember it, it's the smell of schizophrenia" (T.H., p.176).

Данная деталь еще раз подтверждает связь между психическим заболеванием и неправильным функционированием организма в целом

Выводы

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что участок концепта INSANITY, содержащий такие признаки как ИСКАЖЕНИЕ, НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ, ДЕФОРМАЦИЯ объективируется при описании внешнего образа персонажей-безумцев. Психическое расстройство репрезентируется как физический недуг, лишаящий безумца способности к нормальному функционированию в обществе.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: "Языки русской культуры", 1999. 896 с.
Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.38-53.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: "Перемена", 2002. 331 с.
Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
Лотман Ю.М. История и топология русской культуры. Санкт Петербург: "Искусство СПб", 2002. 762 с.
Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт Петербург: "Искусство СПб", 2000. 704 с.
Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
Faulks S. A Week in December. London: Hutchinson, 2009. 529 p.
Haddon M. A Spot of Bother. New York: Vintage Books, 2007. 524 p.
Harris T. The Silence of the Lambs. New York: St. Martin's Press, 1988. 424 p.
Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest. Санкт-Петербург: КОРОНА принт, КАРО, 2006. 432 с.

References

- Arutjunova, N.D. (1999). Jazyk i mir cheloveka. M.: "Jazyki russoj kul'tury".
Zusman, V.G. (2001). Koncept v kul'turologicheskom aspekte. Nizhnij Novgorod: Dekom, 38-53.
Karasik, V.I. (2002) Jazykovoj krug: lichnost', koncept, diskurs. Volgograd: "Peremena".
Kubryakova, E.S. (2004). Jazyk i znanie. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
Lotman, Ju.M. (2002). Istorija i topologija russoj kul'tury. Sankt Peterburg: "Iskusstvo SPB".
Lotman, Ju.M. (2000). Semiosfera. Sankt Peterburg: "Iskusstvo SPB".
Maslova, V.A. (2004). Kognitivnaja lingvistika. Uchebnoe posobie. Minsk: TetraSistems.
Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok-Zapad.
Faulks, S. A. (2009). Week in December. London: Hutchinson.
Haddon, M. (2007). A Spot of Bother. New York: Vintage Books.
Harris, T. (1988). The Silence of the Lambs. New York: St. Martin's Press.
Kesey, K. (2006). One Flew over the Cuckoo's Nest. Sankt-Peterburg: KORONA print, KARO.

Стаття надійшла до редакції 14.04.2019 р.